

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА и ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Философский факультет

На правах рукописи

Л. П. ПОЛЯКОВА

ИДЕАЛИЗАЦИЯ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА
КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ РЕЛИГИОЗНОГО
МОДЕРНИЗМА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель —
кандидат философских наук
М. П. Мчедлов

Москва — 1964

А-У

В современный период развернутого строительства коммунизма проблемы формирования нового человека, утверждения коммунистической морали, борьбы с пережитками буржуазной идеологии приобретают первостепенное значение. Июньский (1963 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что формирование научного мировоззрения, коммунистической нравственности невозможно без борьбы с религиозной идеологией. Важнейшим условием повышения коммунистической сознательности масс является воспитание у них материалистического мировоззрения, умения сознательно противостоять пережиткам и влиянию религиозной идеологии.

Современные христианские богословы, встревоженные подрывом позиций религии в СССР, всеми силами стремятся сохранить влияние среди остатков своей паствы. Они приукрашивают, подчищают отдельные положения «священного писания», толкуют его так, чтобы попытаться доказать «совместимость» коммунизма и христианства. Одной из форм приспособления христианства к коммунизму является идеализация раннего христианства, толкование его идей в духе коммунизма.

Цель представленной диссертации вскрыть несостоятельность этих утверждений, доказать коренную противоположность идей коммунизма и раннего христианства, дать научную интерпретацию идей и существа раннего христианства.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

В I главе «Раннее христианство и его социальная роль» анализируются социально-экономические условия Римской империи, породившие в конечном итоге христианство, вскрывается социальная природа первоначального христианства и прослеживается его эволюция в течение трех первых веков н. э.

В § 1 «Социально-экономические предпосылки возникновения христианства» подчеркивается, что марксизм-ленинизм впервые научно объяснил происхождение и социальную роль христианства. Христианство, как и всякую религию, классики

237119
Центральная научная
библиотека
Академии наук Киргизской ССР

марксизма-ленинизма рассматривали как одну из форм общественного сознания. Его происхождение и развитие они объясняли, исходя из социальных и экономических условий разлагающегося рабовладельческого общества. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями явился причиной всеобщего кризиса рабовладельческого общества.

Идеологическим отражением этого кризиса были и религиозные искания. Угнетенные массы, в результате разгрома восстаний, потеряли веру в возможность политического и экономического освобождения. Полное бесправие, чувство бессилия, отчаяния направляли людей к религии. Надежды на избавление люди связывали со сверхъестественными силами. Перенеся свои надежды на небо, они тем самым отошли от реальной борьбы с миром зла и насилия.

В § 2 «Социальная природа первоначального христианства» указывается, что современные апологеты христианства в своих утверждениях о «тождестве» коммунизма и христианства обычно ссылаются на высказывания классиков марксизма-ленинизма о демократическом духе христианства в период его зарождения. Действительно, классики марксизма-ленинизма указывали на отдельные демократические стороны христианства в первое время его существования.

Первыми членами христианских общин были рабы и немущие свободные. Основной идеологией масс была религия. Протест эксплуатируемых, их думы и чаяния выражался в религиозной форме. Это обстоятельство свидетельствовало о незрелости классовой борьбы в античном обществе. У угнетенных не было определенной, ясной политической программы, четких перспектив в борьбе за свободу. В условиях античного общества зарождающееся христианство, чьи последователи рекрутировались из угнетенного люда, было в известной мере демократическим движением, так как явилось выражением своеобразного протеста против рабовладельческих порядков. Низшие слои увидели в христианстве силу, как бы противостоящую старому римскому миру. Это и толкнуло угнетенные массы Рима в ряды христиан.

Но массы, вовлекаемые в ряды первых христиан, хотя и были объаты жаждой мщения, сами на это мщение были неспособны. Все свои надежды они возлагали на бога. Кара угнетателям ожидалась с неба, а не готовилась своими силами. Мир насилия они оставляли нетронутым; более того, в известной мере способствовали его упрочению, так как протест первых христиан против насилия рабовладельцев выражался в фантастической, неосуществимой форме.

В учении первоначального христианства о равенстве получило фантастическое отражение стремления угнетенных к реальному равенству. Однако христианство не могло дать равенства людям на земле, так как по существу в этой религиозной системе и не преследовалась подобная цель. Идея равенства в христианстве была сформулирована отрицательно: все люди равны только перед богом как грешники. Христианство внушало, что рабское состояние обеспечивает награду на небе, где все после смерти будут равны перед богом. Это примиряло рабов с их положением. Но сама постановка идеи равенства в тех условиях была прогрессивной, так как трудящиеся могли сделать отсюда дальнейшее заключение — о реальном равенстве между рабами и рабовладельцами.

Проповедь отказа от богатства, ненависть к нему также были характерными чертами первоначального христианства. Проповедники новой религии осуждали имеющих в своих домах «награбленное у бедного», которые «прибавляют дом к дому», «присоединяют поле к полю». Диссертант, опираясь на исторические данные, объясняет причину этих особенностей первоначального христианства.

В диссертации анализируются условия, в которых зарождались первоначальные христианские общины. Эти общины современные защитники христианства выдают за образцы «коммунистического» общежития. В действительности же одни из них были постоянным прибежищем для бедняков, в других собирались лишь по определенным дням для трапез. Никакого совместного производства общины не вели. Не было у них ни совместных средств производства, ни общей трудовой деятельности.

Итак, движение раннего христианства было движением социальных низов, направленным против римского владычества, и в этом смысле носило элементы демократизма, что подчеркивали классики марксизма-ленинизма. Но при этом они указывали, что это движение было обречено на неудачу, так как ориентировало угнетенных не на земное преобразование их жизни, а вводило в мир иллюзий, несбыточных надежд.

В этой же, первой, главе в § 3 («Эволюция социальных взглядов раннего христианства») прослеживается эволюция социальных воззрений этого движения.

Демократический дух первоначального христианства постепенно угасал.

Христианство превратило энергию действия в силу терпения, возложило все надежды на вмешательство свыше.

Вместо жажды расправы с богатыми и ожидания различных «бед и язв» на них во II в. н. э. уже открыто проповедуется долготерпение, смирение и кротость. Меняется отношение к богатству, к частной собственности. Отцы церкви утверждали, что разделение существующего общества на бедных и богатых даже необходимо: бедные спасают богатых перед богом своим духом, верой, а богатые должны помогать бедным, делать им подаяния, опять же следуя заветам господа бога. В конечном итоге обвинение против богатства сводилось к одному: к осуждению дурного пользования богатством.

Общины зарождающегося христианства вначале отличались демократическим устройством. Но нищие, угнетенные слои не были в состоянии взять управление в свои руки. С середины II в. руководители общин начинают ставить себя в независимое отношение к народу, выставлять себя как высший класс, удерживать большую часть церковных прав за собой. Таким образом, проповедники отделились от рядовых верующих; была проведена разграничительная черта между духовенством и верующими. В III в. слова «клирик» и «мирянин» начинают все чаще встречаться у церковных писателей. Под «клириком» стали иметь в виду человека, «близкого к богу», а под «мирянином» — человека, удаленного от источника истинной святости». Клиру принадлежало право учить, творить суд, управлять.

Отцы церкви уже учили, что епископы — это заместители Христа на земле и подчинение им должно быть беспрекословным. «Пастырь — это после бога земной бог ваш». Материальное обеспечение духовенства во II—III вв. было возложено на паству.

Так возникла организация, которая впоследствии развилась в разветвленную, подчиненную строгой дисциплине, церковь, ставшую надежной и прочной опорой императорской власти.

Принятие христианства состоятельными слоями римского общества сопровождалось систематизацией и шлифовкой примитивных древних представлений. Христианские богословы, выходцы из интеллигенции Рима и их последователи — церковные писатели III и IV веков, сформулировали христианскую догматику.

Социальные принципы раннего христианства нашли свое выражение в посланиях, приписываемых апостолу Павлу. Основная мысль этих посланий заключалась в том, что возможно лишь духовное освобождение, а в земной жизни необходима покорность «господам во плоти».

Из религии угнетенных христианство сделалось господствующей, государственной религией, цели которой срослись с целями государства. Классовая сущность христианства, как опийного народа, раскрылась в полной мере и подчинила целиком его устремления задаче защиты эксплуататорского общества. Страдания в этом мире были объявлены как ниспосланные богом для более прочного обретения благополучия на небе. К. Маркс писал: «Социальные принципы христианства переносят на небо компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле».¹

Главная роль, которую сыграло христианство как идеологическое порождение классового антагонистического общества, заключалась в освящении гнета и эксплуатации.

Во II главе «**Несовместимость социальных воззрений коммунизма и раннего христианства**» дается анализ противоположности этих учений по следующим аспектам: по вопросу о «коммунизме» первоначальных христианских общин, об отношении к общественной жизни, к государственной власти, об отношении к труду, а также к проблеме равенства.

Современные православные и баптистские проповедники заявляют, что принципы коммунизма были заложены еще в первых христианских общинах. Ссылаясь на «Деяния апостолов», они утверждают, что в христианских общинах существовала общность имущества, что эти общины носили социалистический и даже коммунистический характер. В действительности же общность имущества не является характерной чертой всех первоначальных христианских общин. В подавляющем большинстве первые христианские общины состояли из рабов. Такой социальный состав общин не мог способствовать образованию единого хозяйственного коллектива. Общность имущества могла существовать лишь в общинах с преобладающим составом из свободных мелких ремесленников и бедноты, живших своим собственным трудом и имевших возможность организовать обособленный религиозно-хозяйственный коллектив. Но таких общин в период зарождения христианства было ничтожное меньшинство.

В диссертации подчеркивается, что даже из факта наличия общности имущества в отдельных христианских общинах, не следует делать вывода об их коммунистическом быте. Укажем хотя бы на то, что коммунизм немыслим без перехода средств производства в общенародное пользование. Ничего подобного не знало и не могло знать раннее христианство. То,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. ~~Дальнейшее существование~~. Соч., т. IV, стр. 204.

что церковь называет «коммунизмом», на деле было лишь переходом собственности из рук одной группы в руки другой. «Распределение» между клиром, причислявшим себя к «нищим», и в действительности обездоленными рядовыми верующими, носило далеко не коммунистический характер. Вся последующая эпоха, характеризующаяся бесконечным ростом церковных богатств, с одной стороны, и всеобщим обнищанием паствы, с другой, говорит об этом совершенно недвусмысленно.

Классики марксизма-ленинизма показали, что коллективная собственность на орудия и средства производства могла появиться и существовать не в любое время, а лишь на определенном этапе развития человеческого общества.

В § 2 разбирается вопрос об отношении раннего христианства к государственной власти. Это один из центральных пунктов социальных воззрений раннего христианства. Ранние христиане, верные принципам «государственного благополучия», молились за императорскую власть. Сочинения древних христианских апологетов дают обильный материал для защиты всякой власти, в чьих бы руках она ни находилась. Христианские богословы убеждали своих единоверцев уважать императоров, так как они посажены-де на трон богом. Раннехристианские апологеты гордились своим послушанием языческим властям и нередко ставили христиан примером того, как надо относиться к власти. «Содействие общественному спокойствию», свойственное христианам, по существу означало, что они принимали, как неизбежное, рабскую жизнь, насилие, гнет эксплуататоров, не оказывая ни малейшего сопротивления. Боязнь греха за сопротивление, кары божьей, проповедуемых раннехристианскими богословами — сдерживали народный гнев и уводили стремления угнетенных в мир иллюзорного счастья.

Современные проповедники христианства, ссылаясь на евангельское высказывание, приписываемое Христу («кесарево — кесарю, божье — богу»), учат всякому отдавать должное: кому — подать, кому — страх, кому — честь. Этими положениями они стремятся подчеркнуть свое невмешательство в общественную жизнь, хотя это и не соответствует действительности.

Поучения деятелей православной церкви и баптизма об отношении к власти являются удобным средством для оправдания любого политического строя, для приспособления к различным формам государства. Так, например, представители православия и баптизма выражали свои верноподданические чувства царскому правительству России, одновременно враждебно относясь к революционному движению, и особен-

но к социалистической революции, считая ее властью греховной. В трудное время становления молодого советского государства православные деятели и баптистские проповедники выступали на стороне врагов народа. И тем не менее, они в настоящее время утверждают, что советская власть создана богом, что «бог на место тюрьмы народов — царской России воздвигнул советский строй»¹. В представленной работе анализируются социальные и идеологические причины религиозного приспособленчества.

В диссертации противопоставляется христианское и социалистическое понимание государства. Подчеркивается, что советское социалистическое государство выражает волю и интересы самих трудящихся. В нашей стране впервые в истории уничтожены все формы правового и политического неравенства, существовавшие веками, трудящиеся сами осуществляют управление страной.

КПСС ныне поставила перед собой великую задачу, о которой могли только мечтать лучшие умы прошлого. — дальше совершенствовать общественные отношения, окончательно преодолеть классовые различия, воспитать всех людей в духе коммунизма, подготовить условия для отмирания государства, для перехода к общественному самоуправлению.

В § 3 рассматривается отношение ранних христиан к труду. Современные апологеты христианства пытаются доказать, что социалистический принцип «кто не работает, тот не ест», заимствован из идеологии раннего христианства.

Учение христианства о труде — очень противоречиво. В «священном писании» в высказываниях о труде много взаимоисключающих положений, причина которых кроется в условиях античного римского общества. Здесь существовало вообще отрицательное отношение к труду. По античным понятиям свободный гражданин мог быть занят только заботами о государственных делах. Все заботы о материальных нуждах и потребностях римляне возлагали на своих рабов. Свободные труд презирали, рабы его ненавидели. Господствующая идеология того времени была направлена против труда, как удела рабов. «Умиращее рабство все еще... проявляло себя тем, что заставляло признавать всякий производительный труд, как рабскую деятельность, недостойную свободных римлян»² — писал Ф. Энгельс.

Раннее христианство относилось к труду, как и современное ему общество. Подавляющая часть первоначальных

¹ «Братский вестник» 1947 г., № 6, стр. 6.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1963 г., стр. 168.

христианских общин состояла из рабов. В этой среде существовало отрицательное отношение к труду. Их очень привлекали те места в христианских пророчествах (закрепившиеся затем в евангелиях), где сказано, что царство божье — это райское место, где не надо будет трудиться, где все блага будут даны им за то каторжное существование, которое влачат они в этом мире. Это был массовый идеал свободы от принудительного рабского труда.

Вместе с тем встречается и иное толкование труда. Такое отношение членов раннехристианских общин к труду нашло свое выражение в «священном писании», где сказано, что бог за грехи наказал человека трудом.

В общинах же, состоявших из разорившихся ремесленников и бедноты, существовало здоровое отношение к труду. По всей вероятности, в их среде зародился лозунг: «кто не работает, тот и не ест». Во времена зарождения и распространения христианства появилось множество проповедников новой веры. Среди них было немало шарлатанов, вроде Перегринна, едко высмеянного римским писателем Луккианом. Эти носители веры нередко вели паразитический образ жизни за счет верующих. Призыв «кто не работает, тот и не ест» и выдвигался против этих пророков. Этот лозунг не был связан с верой; он не был общим принципом первоначального христианства, а лишь той его части, которая состояла из бедноты и мелких ремесленников.

С изменением социального состава общин, с ростом богатства и влияния церкви это изречение стало истолковываться по-другому: понятие «труд» стало весьма гибким. Любая деятельность, полезная для церкви, объявлялась «трудом». «Труд» проповедника, «труд» господина, «труд» рабовладельца приравнивались к святому делу.

Вопрос о труде занял важное место в христианстве. В Римской империи жизнь могла держаться только трудом рабов. И церковь, с одной стороны, учила, что труд — это наказание божье, результат грехопадения человека, а с другой — освятила подневольный труд, стала проповедывать угнетенным, что чем больше они будут трудиться, тем больше у них будет возможностей попасть в царство небесное. Труд на угнетателей, таким образом, становился необходимым средством личного спасения. Здесь уже зримо выступила проповедь морального рабства, которая стала, в конце концов, определяющей в христианской религии.

В наши дни христианские идеологи, разумеется, не решаются делать упор на то, что труд — проклятие. Напро-

тив, они подчеркивают, что труд — дело богоугодное. Но, несмотря на отдельные тактические уступки, вызванные нашей действительностью, христианство в общем и целом сохраняет ту реакционную направленность, которая отличала это учение с самых первых веков его существования: отрыв от жизни, стремление к несбыточному загробному счастью.

Потустороннее счастье достигается, согласно учению ранних христиан, молитвой. Ни труд, никакие земные дела не могут дать таких гарантий, как молитва. Она ставилась выше всякой деятельности. Молитва считалась трудом, наиболее угодным богу. Современные христианские проповедники любят разглагольствовать о труде, как необходимом условии жизни на земле. Но они ни на йоту не отошли от установлений раннего христианства, утверждающего, что вся духовная нравственная жизнь развивается в человеке при посредстве молитвы. «Бессильный человек с молитвой приобретает такую силу, — утверждают православные богословы-наши современники, — перед которой не могут устоять никакие другие силы».

Получается, что для улавливания умов верующих и привлечения их симпатий к христианской вере, христианские идеологи демагогически заявляют о величайшем значении труда, что труд — это «дело отваги, чести и геройства», а по-существу, в своем учении, напротив, доказывают, что молитвой можно достигнуть гораздо большего, чем трудом.

Учение раннего христианства о труде ничего общего не имеет с коммунистическим его пониманием. Действительное место и значение труда, производственной деятельности людей в общественной жизни было впервые открыто марксизмом. Великое научное открытие, сделанное классиками марксизма-ленинизма, что в основе человеческого общества лежит трудовая деятельность людей, неразрывно связано с учением об исторической необходимости такого общественного строя, в котором владыкой мира будет труд. С уничтожением эксплуатации труд превратился в почетное дело, так как является единственным средством обеспечения материальных и духовных благ трудящихся, условием всестороннего развития личности.

Религиозной фантазии о счастливой жизни в потустороннем мире противостоит идеал коммунистической жизни на земле. Это будущее в отличие от церковных вымыслов опирается на научное предвидение и нашло свое воплощение в Программе КПСС, принятой XXII съездом партии. Не вы-

мышленный бог, а труд — сознательный, творческий, а потому радостный — обеспечит великое будущее свободному человеку.

Большое место в диссертации уделяется критике попыток современных церковников изобразить раннее христианство поборником равенства (социального, национального, равенства женщины). В § 4 рассматриваемой второй главы диссертации показано, что с изменением общественного строя, со сменой социальных форм коренным образом менялось конкретное содержание, вкладываемое в понятие равенства. Требование равенства — это не «вечная» истина, а выражение изменяющихся общественных отношений.

Во времена императорского абсолютизма в Риме в I в. н. э. классовое и национальное угнетение достигло необычайной остроты. В сознании угнетенных масс постоянно жила надежда на лучшую долю, свободу. Ненависть угнетенных была острой, но бессильной.

Возникнув, как религия рабов и угнетенных, христианство, естественно, не могло не отразить в какой-то мере это важнейшее социальное требование. Но решалось оно таким образом, что не давало никакой реальной основы, никакой надежды на осуществление действительного равенства на земле. Абстрактное равенство, проповедуемое и ранними, и современными христианами ничего общего не имеет с действительным равенством людей в обществе.

Проблема равенства, выражающая вековые надежды угнетенных, впервые получила научное разрешение в марксистской идеологии. Точно так же впервые в истории человечества в социалистическом обществе человек действительно освободился от классового угнетения и неравенства. Социализм породил новые общественные отношения между людьми в процессе производства — отношения товарищеского соревнования и сотрудничества, поддержки друг друга в совместном труде на благо общества.

Христианские богословы претендуют так же на то, что якобы их учение является источником идеи о равенстве между народами. Но и это чистейший вымысел. Христианство первых веков характеризовалось нетерпимостью к инаковерующим. Апологеты раннего христианства — Юстин, Татиан, Аристид, Киприан Римский и др. с презрением и насмешкой отзывались о всех нехристианах. И в наше время «истинной» и «святой» христианская церковь считает только себя, пренебрежительно отзываясь об иноверцах.

Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала собой коренной поворот в области национальных отношений. КПСС воспитывает у трудящихся различных национальностей чувство интернациональной дружбы, сознания общности коренных интересов. В СССР усилиями всех народов нашей страны успешно строится мир братства, дружбы и счастья для всех наций.

Учитывая, что большинство верующих — женщины и стремясь вызвать их симпатии к христианству, современные богословы упорно внушают им, что никакое другое учение древности не ставило женщину на такую высоту, на какую вознесло ее христианство;¹ что равенство женщины, осуществленное при коммунизме, является отголоском учения раннего христианства о свободе женщины. Но достаточно обратиться к истории самой христианской церкви, чтобы убедиться в полной несостоятельности этих утверждений. В действительности, христианство даже в самый ранний период своего существования не только не «поставило женщину на высоту», но было очень далеко от постановки такого вопроса.

Отношение первых христиан к женщине видно хотя бы из определения автором «Откровения праведников как лиц, «которые не осквернились с женами» (Откр., 14,4). Нельзя, конечно, ставить в вину первоначальному христианству неравноправное положение женщины в рабовладельческом обществе. Не христианство выдумало это положение. Неравенство женщины по отношению к мужчине есть явление историческое. В период матриархата женщина, напротив, пользовалась известным преимуществом перед мужчиной, играла активную роль в выполнении общественных функций. Но дальнейшее развитие производства привело к тому, что домашнее хозяйство утратило ведущую роль в жизни общества. Вместе с ним утратила свое положение в обществе и женщина. Таким образом, не христианство виновно в возникновении неравенства женщины. Это неравенство явилось результатом общественного развития. Но это преходящее явление христианство возвело в ранг вечной истины, осватило его авторитетом религии.

Начиная с самого раннего периода своего зарождения, христианство во взглядах на женщину не отличалось от существовавших в то время воззрений относительно роли и положения ее в обществе. Женщина считалась тогда низшим существом. В соответствии с этими взглядами христианство учило, что женщина — это существо, созданное богом,

¹ Журнал Московской патриархии, 1957, № 3, стр. 43.

но испорченное врагом человечества — дьяволом. Такой взгляд на женщину «подтверждался» многочисленными примерами из «священного писания». Раннее христианство учило, что все несчастья на земле происходят из-за женщины. Тертуллиан с негодованием писал о женщине, что она «погубила сына божия». «Через жену вошел в мир грех».

Бесправное, униженное положение женщины христианская церковь освящала своим авторитетом в течение двух тысяч лет. Ссылаясь на «священное писание», проповедники христианства всех толков и направлений убеждали женщин, что их неравное положение в обществе — следствие несовершенства женской природы.

Впервые в истории человечества в нашей стране женщина освобождена от социального и семейного гнета. Социализм обеспечил женщине полное равноправие во всех областях государственной, общественной и культурной деятельности, открыл невиданные просторы для всестороннего развития женщины. Подвиг советской космонавтки — Валентины Николаевой-Терешковой — блестящее доказательство того, что женщина может быть равной мужчине и по физической выносливости и по силе интеллекта. Этим нанесен мощный удар по христианской теории, утверждавшей две тысячи лет неполноценность женщины.

III глава озаглавлена — «Противоположность нравственных принципов коммунизма и раннего христианства». Идеологи христианства в нашей стране стремятся привить верующим такие моральные принципы, которые угодны церкви и способствовали бы распространению религии. В этих целях современные христианские богословы истолковывают христианскую и коммунистическую мораль, как нравственные учения, не противоречащие друг другу. Более того, делают попытки представить коммунистическую мораль как, якобы, «в основном мораль Христову».

В § 1 третьей главы доказывается коренная противоположность истоков и существа принципа «всеобщей» христианской любви и подлинного коммунистического гуманизма.

Характер отношений между людьми в рабовладельческом обществе определялся господствующей формой собственности на средства производства и на самого человека — раба. Это форма собственности порождала угнетение одного класса другим, а отсюда вражду и ненависть между ними.

Зарождающееся христианство выражало в своеобразной форме ненависть угнетенных к своим угнетателям. Одновременно оно сострадательно, с сочувствием относилось к

угнетенным и обездоленным. Однако это сочувствие к угнетенным христианство выразило в форме абстрактной всеобщей любви, распространяющейся на всех, в том числе и на их врагов.

Христианские добродетели: милосердие, прощение, кротость, любовь к врагам и т. д. — непосредственно связываются с богом, с царством небесным, но нетрудно увидеть, что во многом эти «добродетели» обусловлены стремлением здесь, на земле оградить себя от соприкосновения «с миром», с его несправедливостью. Это мораль «малых мира сего» — не быть корыстолюбивым, помогать друг другу, прощать врагам, платить исправно налоги, не заводить ссор и не судиться и т. д.

В апостольских посланиях часто встречаются увещания — жить тихо и скромно, не нарушать законов государства, повиноваться властям, остерегаться всего, что может привлечь к себе враждебное внимание со стороны сильных мира сего.

Отсюда и те правила поведения, которые должны были в максимальной степени обеспечить угнетенному человеку невмешательство внешнего мира в его внутренний мир. Это так называемая «духовная свобода», которая усваивалась ранними христианами по мере того, как гнет становился все сильнее, и которая все больше и больше делала угнетенных неспособными бороться с существующим злом.

Когда все надежды на освобождение были утрачены, когда рабская идеология христианства получила широкое распространение, стал проповедываться принцип «всеобщей любви», но принцип этот толковался таким образом, что люди надеялись ценой любви к врагам получить себе блаженство на небе после смерти. «Их осуждали, убивали, бесчестили, поносили, злословили, им наносили обиды, наказывали, а они не возмущались и делали добро своим мучителям», — писал один из столпов христианской церкви.

Апологеты раннего христианства придавали особое значение проповеди всеобщей любви. Тертуллиан писал, что «любить друзей могут все люди, но любить врагов могут только христиане: в этом главное отличие веры христовой от всех других вер». За любовь к врагам, за молитвы о них христианство обещало и обещает в награду не «земные радости», не «земное утешение», а «вечное царство небесное». Христиане, любящие врагов, будут «подобны богу, насколько это возможно для людей». Безропотное перенесение обид возводилось в самую почетную добродетель.

Несмотря на попытку примирить нравственные идеалы раннего христианства и коммунизма, представить раннее

христианство идейным предшественником коммунизма, современные церковники не отказываются от проповеди любви к врагам; в этом вопросе они твердо стоят на позициях непротивления злу.

Мораль научного коммунизма отвергает абстрактную всеобщую любовь, вскрывает ее антигуманистический характер. Любовь к угнетенным в коммунизме сочетается с ненавистью к угнетателям. Это наиболее действенное проявление истинной любви к человеку, гуманизма по отношению к преобладающему большинству человечества — трудящимся массам.

Коммунизм — это реальный гуманизм, — так формулировали основоположники научного коммунизма марксистское понимание гуманизма. Марксизм выдвинул принципиально новое, последовательно научное учение о сущности человека, о свободе личности, о человеческом счастье и путях его достижения. Эти проблемы лежат в основе коммунистического гуманизма. Уничтожение социализмом главной социальной несправедливости — эксплуатации человека человеком, — создает все реальные условия для расцвета человеческой личности, все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Переход средств производства в руки самого народа явился реальной социальной несправедливости — эксплуатации человека личности. Глубокая забота о коренных интересах многомиллионных масс составляет характерную черту коммунистического общества.

Развернутое строительство коммунизма в СССР является воплощением высшей формы социалистического гуманизма, связанной с созданием изобилия материальных благ, могучим ростом культуры и нравственного совершенствования трудящихся.

В § 2 «Раннехристианский индивидуализм и марксистский коллективизм» вскрывается коренное различие этих основных принципов коммунистической и христианской нравственности.

В классовом рабовладельческом обществе государственные цели вступали в противоречие с интересами угнетенной личности. Рабы жаждали свободы, но эта свобода грозила подрыву основ Рима — рабовладельческого государства, так как на их труде держалась вся жизнь. В этой социальной борьбе человек чувствовал себя беспомощным, одиноким. Индивидуализм вплетался во все нравственные нормы, становился основой мировоззрения людей рабовладельческого общества.

С идеей абстрактного человека в христианстве тесно связана идея личной ответственности, принимающая форму «вины» человеческой природы вообще. Основным мотивом христианства в объяснении жизненных невзгод служил миф о первородном грехе, о падении человека, сохраняющий свое значение в христианстве и поныне. В диссертации прослеживается появление этого понятия и его развитие, вплоть до возведения в официальную церковную догму.

С идеей всеобщей греховности связан другой основной момент христианского мировоззрения — стремление к личному духовному спасению. Личное спасение, согласно учению раннего христианства, достигается покаянием, верой, смирением, сознанием своей немощи. Лучшим средством для обретения счастья за гробом считалась и считается личная молитва.

Одним из источников христианского индивидуализма послужило также учение о бессмертии души. Это учение зародилось в глубокой древности. В христианстве оно получило лишь свое развитие и было возведено в степень церковного догмата. Ранние христиане верили, что душа — это источник вечной жизни, центр богопознания и самопознания.

Наука полностью опровергла веру в бессмертную душу, материалистически объяснив те явления, которые называются «душевыми». Вера в личное бессмертие бездоказательна и слепа, как и все учение христианства. «Духовное», «личное» спасение существовало и существует лишь в воображении тех, кто не знал и не знает действительных путей к достижению подлинного счастья на земле. В своем отношении к окружающим христианин глубоко эгоистичен, так как христианство поддерживает в человеке лишь одно стремление — приобрести побольше духовного багажа для собственного спасения.

В диссертации показывается, что истинная коллективистская сущность взаимоотношений людей труда не умирала даже в периоды безраздельного господства частной собственности. Труженики, производители материальных благ всегда были носителями идей коллективизма. Но в борьбе коллективизма и индивидуализма — в антагонистическом обществе, в условиях господства частной собственности — неизбежно побеждал индивидуализм. Индивидуалистическая мораль стала выражением античеловеческой, паразитической идеологии.

Научное марксистское знание способствовало выработке монолитного коллективистского сознания, коллективистской

морали, поставило задачу борьбы с индивидуализмом во всех его формах и проявлениях. Коллективный труд, коллективная борьба за счастье всего человечества воспитывают настоящих людей, носителей подлинной гуманной нравственности. Во всеобщей революционной перестройке общества заключается основное условие изменения сознания человека. Коллективный уклад нашей жизни находится в негнимо противоречии с пережитками индивидуализма, в том числе и с христианским.

В § 3 противопоставляется христианское и коммунистическое понимание смысла жизни. Догматы раннего христианства о греховности людей, ее искуплении, о бессмертии души, загробной жизни и т. д. — непосредственно связываются с вопросом о смысле жизни.

Массы рабов и бедняков Рима, приняв христианство, почувствовали себя духовно выросшими, чистыми перед богом. Они были убеждены в правоте перед всевышним, благодаря своим мучениям и страданиям. Каждому человеку во все времена свойственно стремление к счастью. Счастья у христиан не было, потому они стали охотно верить в небесное счастье после смерти. И тем послушнее переносили гнет в жизни, надеясь на небесное воздаяние. Христианство внушало своим последователям, что временные лишения на земле — ничто в сравнении с тем бесконечным блаженством, которое откроется перед ними в загробной жизни. Благам земным поэтому отводилось второстепенное, подчиненное место перед небесными. Вечная жизнь — главный мотив христианского вероучения. «Священное писание», повторяемое и раскрываемое в бесчисленных писаниях отцов церкви, выставляет на первый план «вечную» жизнь.

Этот взгляд ранних христиан на цель и смысл жизни примирял человека со всеми темными и мрачными сторонами жизни, со всеми страданиями, поучая его смотреть на все земное, как на внешнее, временное, обращать свои помыслы лишь на «вечное и неизменное» — царство небесное. Высший смысл земной жизни раннее христианство видело в стремлении заслужить райскую жизнь. Для этого человек должен был целиком посвятить себя богу, жить на земле ради грядущего бессмертия.

В действительности, «вечная» жизнь — это вымысел, миф. Жизнь человека, можно сказать, именно потому и имеет смысл, что она ограничена. Ограниченность нашего жизненного пути и заставляет людей думать о том, чтобы прожить не впустую, а как можно лучше, содержательнее.

Жизнь ценится не за длительность, а за содержательность. Многие выдающиеся люди, заслужившие почет, уважение и славу, прожили на земле совсем недолго. Но память о них переживет многие и многие поколения.

Жизнь человека не имеет смысла, если она оторвана от человеческого общества. Смысл жизни заключен в самой нашей жизни, в деятельности на благо людей. Счастье человека обретается здесь на земле, в постоянном труде. Радость жизни, ее смысл — в покорении сил природы, в борьбе с социальным злом, болезнями, несчастьями. Христианство по существу смысла жизни ответа не дает, так как все устремления людей направляет в небытие, в несуществующий «тот свет».

В современную эпоху коренных социальных преобразований вопрос о смысле жизни, о человеческом счастье все больше становится в центр идеологической борьбы между сторонниками общественного прогресса и его противниками. Гуманистические девизы, начертанные в Программе КПСС, обладают непреодолимой притягательной силой для всех истинных борцов за счастье трудящихся.

Самой прекрасной чертой людей, борющихся за коммунизм, говорил Н. С. Хрущев, является стремление посвятить свои силы, свой талант делу победы коммунизма. Такие люди считают свою жизнь полной только тогда, когда перед ними большая и высокая цель, когда они смогут вложить все свои силы, всю душу в общее дело борьбы за благо народа.¹

Найти свое место в обществе, чтобы всей своей деятельностью способствовать человечеству в достижении новых, высших целей, бороться на стороне прогресса, за построение коммунизма — вот в чем видят смысл своей жизни люди социалистического общества.

В заключении, делая выводы из всей диссертации, автор подчеркивает полную несостоятельность утверждений христианских богословов о том, что коммунизм не противоречит христианской вере, что он является осуществлением заповедей Иисуса Христа. Эта форма христианского модернизма способствует ослаблению внимания и энергии трудящихся в борьбе за построение коммунистического общества, противопоставляет верующему обществу, способствует его отрыву от созидательных творческих усилий в общественной, трудовой деятельности.

Деятели современного православия и баптизма стремятся оправдать веру, рассеять сомнения в правильности хри-

стианского мировоззрения, снять внутренний разлад в сознании верующих — советских граждан, преданных делу коммунизма. Поэтому аргументированная критика попыток приукрашивания раннего христианства, его идеализации — важнейшая задача научного атеизма.

По теме диссертации автором опубликованы статьи:

1. «Идеализация раннего христианства как способ реабилитации религии в наше время». В сб. «Строительство коммунизма и философские науки», Новосибирск, 1963 г.

2. «Несостоятельность попыток отождествления идеологии раннего христианства с коммунизмом». В сб. «О некоторых особенностях современной религиозной идеологии», под ред. проф. Панцхава И. Д., Изд-во МГУ, 1964 г.